А. А. Магометов. Агульский язык (Исследование и тексты). — Тбилиси, изд-во «Мецниереба», 1970. 242 стр.

Рецензируемая книга посвящена описанию фонетико-фонологического, морфологического, отчасти и синтаксического строя современного агульского языка — одного из малоизученных языков лезгинской подгруппы дагестанской ветви иберийско-кавказской языковой группы. В ней обобщаются — с учетом того, что было сделано прежде, — результаты личных наблюдений автора за последние 15 лет (начиная с 1955 г.).

Книге предпослано краткое предисловие (стр. 5), таблица транскрипционных знаков (стр. 6). «Введение» (стр. 7—16) содержит некоторые сведения об агулах (их географическом расположении, численности населения, этнонимии и т. д.), об истории изучения агульского языка, о его диалектах.

В разделе «Фонетика» (стр. 17—43) представлено довольно развернутое описание звуковой системы (вокализм, консонантизм, ударение, фонетические чередования и т. д.), оснащенное таблицами. Наиболее подробно в книге рассматривается морфология (стр. 44—175). Совсем бегло освещены отдельные вопросы синтаксиса (стр. 175—177). Собственно грамматическая часть исследования завершается образцами словоизменительных парадигм разных частей речи с иллюстрациями из многих говоров (стр. 177—192). В конце книги приложены образцы текстов из различных говоров агульского языка (стр. 193—238) — собственно-агульского, керенского, буркиханского, кошанского, говора аула Фите; тексты снабжены русским переводом.

Монография А. А. Магометова имеет ряд бесспорных преимуществ перед более ранними исследованиями агульского языка. Прежде всего, она опирается на конкретный материал не одного говора (как это было у А. Дирра¹) и не одного диалекта или отдельной группы близких говоров (как это было у Р. Шаумяна²), а языка в целом, во всяком случае — на материал важнейших говоров агульского языка в современном бытовании. Почти всегда каждое явление, требующее лингвистического объяснения, характеризуется здесь разносторонне и прослеживается по ряду основных говоров, уточняется ареал его употребления.

На основании данных говоров в рецензируемой книге формулируются выводы, позволяющие выявить некоторые тенденции развития, характерные для

агульского языка в целом. В частности, убедительно доказывается, что «смычно-взрывные геминаты... в агульском языке оказываются более стойкими сравнительно с геминатами-спирантами, которые постепенно утрачивают коррелятивное противопоставление негеминированным спирнтам» (стр. 24; см. также стр. 30, 32, 157 и др.).

В монографии А. А. Магометова привлекается и материал близкородственных языков Южного Дагестана. Благодаря этому факты агульского языка рассматриваются в более широком контексте, а это в свою очередь раздвигает историческую перспективу и вплотную подводит к глубинным процессам, определяющим пути исторического развития отдельных языков этого ареала, в частности — к процессам дивергенции и конвергенции. Так, анализ структуры агульского языка в сопоставлении с табасаранским позволяет говорить о близости направлений исторического движения обоих языков, а в отдельных случаях — и о принципиальном тождестве их. Правда, поскольку подобные выводы делаются главным образом на материале восточнолезгинской группы языков, то они могут иметь лишь ограниченную силу, ибо остается неясным вопрос о структурных соотношениях между говорами агульского языка и говорами лезгинского языка, а также языков лезгинской группы в целом.

В морфологическом анализе автор монографии стремился совместить описание синхронного состояния языка с историческим комментированием отдельных фактов и явлений. Достаточно детально исследуется проблема грамматических классов, выявляются окаменелые классные показатели имен существительных, прилагательных, числительных, местоимений, глаголов, причастий, наречий (стр. 44—69) — относительно легко они прослеживаются в прилагательных и числительных, а также в глаголах и причастиях (стр. 65). Наблюдения над эволюцией падежных суффиксов, суффиксов глагольных форм и т. д. проводятся в сопоставлении с аналогичными явлениями в близкородственных языках.

Все это позволяет полагать, что рецензируемая книга, несомненно, внесет свой вклад в изучение лезгинских языков. К тому же монография А. А. Магометова — это наиболее полное исследование, посвященное агульскому языку, отсюда вполне очевидна ее научная ценность.

Вместе с тем в монографии имеются спорные моменты и не всегда убедительные утверждения. Прежде всего возникает вопрос принципиального характера, касающийся методики выполнения

¹ А. Д и р р, Агульский язык, «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», XXXVII, Тифлис, 1907.

² Р. Ш а у м я н, Грамматический очерк агульского языка, М.—Л., 1941.

фонетической части исследования: как, где и от кого (состав информантов) записывались фонетические материалы? Как проводился анализ звуков речи? Как определялся фонемный состав языка? В перечне лиц на стр. 5, которым выражается признательность за «содействие и помощь в работе», не указаны носители хутхульского, дулдугского, дуруштульского и некоторых других говоров, что, как кажется, продиктовано убеждением автора в тождественности этих говоров с тпигским говором.

С 1935 г., когда был образован самостоятельный Агульский район с административным центром в Тиге, начинается процесс складывания относительно устойчивого койне на базе тпигского говора. Естественно, что представители других говоров, которые находились в длительном контакте с говором административного центра (служащие, бывшие учащиеся средней школы и т. д.), не могут быть вполне надежными информантами при описании традиционных говоров. Представляется, что А. А. Магометов этого не учитывает, вообще не оговаривая возраст, пол, культурный уровень информантов. Может быть, в этом и причина расхождений между результатами, полученными им и Р. Шаумяном, хотя А. А. Магометову и представляется, что у Р. Шаумяна звуковая сторона агульского языка усложнена (см. стр. 12).

Не всегда указывается ареал тех или иных описываемых фонетических явлений, отсутствует точная паспортизация их. Например, тезис, что «гласный *i* в позиции между двумя губно-губными звуками может измениться в *u*» (стр. 18), иллюстрируется единственным примером из усугского говора, хотя то же явление отмечается и в других говорах; остается неясным, насколько такой переход регулярен; так же обстоит дело и с вопросом о лабиальном характере согласного *ɕw* в глаголах движения (стр. 26).

Отдельные примеры, призванные подтвердить правила, действующие в языке, кажутся нам не вполне убедительными. Так, положение, что «ударение в агульском языке в двухсложных словах падает обычно на второй слог и при присоединении суффиксов не меняет позиции» (стр. 19), иллюстрируется падежными и числовыми формами слов *tiwit* «виноград», *tikà* «кусочек», *turba* «мешочек» и др., в которых, по мнению автора, ударение падает на второй слог (стр. 19). Заметим, что в буркиханском говоре во всех приведенных случаях ударение в трехсложных словах переносится на конец слова, ср.: *tiwit* — *tiwitâr*, *tiwitân*; *tikà* — *tikajl*, *tikawâr* и т. д. (см. также на стр. 20, 21, 22). В целом сведения о правилах постановки ударения звучали бы гораздо убедительнее, если бы они хотя бы выборочно подкреплялись статистическими данными, относящимися к разным говорам (правда,

это выполнимо скорее в самостоятельном исследовании, чем в общем описании грамматического строя языка). Вообще складывается впечатление, что фонетическая часть работы выполнена менее полно и тщательно, чем морфологическая.

В морфологической части повизной разработки и тщательностью описания языковых фактов выделяются разделы, посвященные изучению истории грамматических классов, имен существительных, прилагательных, числительных, местоимений, а также значительной части глагольных категорий.

Однако в отношении морфологии глагола не со всеми объяснениями и утверждениями автора можно согласиться. В агульском глаголе справедливо выделены две формы настоящего времени — настоящее конкретное и настоящее общее, образующиеся с помощью самостоятельных формантов, но остались незамеченными редупликационные формы типа *likendiarîa*, *xurariaria* и подобные, бытующие например, в буркиханском говоре и создающие дублеты настоящего конкретного. Настоящее время в агульском имеет и четвертую форму, которая образуется путем сочетания деепричастия настоящего времени основного глагола с формантом *waraj*, например: *likendîwaraj* «бывает, что пишет», *xurariwaraj* «бывает, что читает». Аналогичные формы с вариантами показателя *wej*, *baj* и под. являются живыми и в других говорах. Во всех говорах эта форма настоящего времени противостоит другим его формам и функционально: настоящему конкретному она противопоставляется как настоящее общее, но отличается от настоящего общего тем, что представляет действие как прерывающееся.

В целом же система форм индикатива разработана в книге обстоятельно (см. стр. 129—136), чему во многом способствовало то, что автор ее по-новому подошел к грамматическому осмыслению вспомогательных глаголов, выделив их в отдельную лексико-грамматическую подгруппу (см. стр. 118—127). Достаточно подробно рассмотрены и другие наклонения: сослагательное, условное, повелительное и долженствовательное (стр. 136—143).

Представляется только, что система форм условного наклонения усложнена в книге. А. А. Магометов усматривает аналитические формы условного наклонения в построениях типа *xuraj-aîn*, *xurari-aîn* «если читает» (стр. 137—138), где *-aîn*, *-aîn* трактуются как формы самостоятельно функционирующего вспомогательного глагола в условном наклонении. Трудно с этим согласиться. Форманты *-aîn*, *-aîn* в современном агульском языке фактически превратились в условную частицу, свободно присоединяющуюся к соответствующей глагольной форме времени, например; *xuraria* —

xurariašın, xuraraj — xurarajšın, xuruni — xurunišın, xurunauj — xurunaujšın, xurunaj — xurunajšın, xuruna — xurunašın и т. д.

Вряд ли можно считать также оправданным включение прохибитива в состав повелительного наклонения в качестве формы, противопоставляемой «утвердительной» форме его (см. стр. 140—141), к тому же побуждение и утверждение — это модальные отношения, взаимно исключающие друг друга.

Вместе с тем остались не охваченными грамматическим анализом такие наклонения, как гипотетическое (оформляемое с помощью форманта *-han*), предостерегательное (оно образуется путем прибавления к инфинитиву форманта *da-* в соединении с особой интонацией: *tis daliķes* «не писать ему!» или *wari tis daliķes* «ни в коем случае не писать ему!»). Категория наклонения в агульском языке сложна и многокомпонентна, она требует специального изучения.

Особо рассматриваются так называемые «обстоятельственные формы глагола» (стр. 151—158), организующие, как правило, придаточные части в сложноподчиненном предложении. Поэтому было бы более оправданным говорить о них в собственно синтаксической части работы. Имея в виду композицию книги, следует упомянуть, что раздел «Словообразование» помещен после раздела «Существительное», хотя речь идет о словообразовании вообще; кстати, именно этот раздел (как и «Синтаксис») остался наименее

разработанным в монографии. Здесь слабо представлено как описание словообразовательных средств, так и их теоретическое осмысление; в ряде случаев словообразование не ограничивается от синтаксиса словосочетания (см. стр. 90—91). Приходится констатировать, что на синтаксическом уровне агульский язык пока еще остается не разработанным.

Наконец, последнее — это вопрос о диалектном членении агульского языка. Разные исследователи выделяют в нем разное количество диалектов. По Р. Эркерту и А. Дирру их два³, Р. Шаумян говорит о четырех диалектах⁴. А. А. Магомедов склоняется к решению А. Дирра (см. стр. 15—16), которое, на наш взгляд, уступает более последовательной и внутренне аргументированной классификации Р. Шаумяна. Однако ясно, что окончательно решить эту проблему без подробной карты изоглосс важнейших языковых явлений трудно.

Высказанные выше замечания и соображения, нередко носящие характер пожеланий, не могут поколебать общую высокую оценку, которую заслуживает монография А. А. Магомедова.

З. К. Тарланов

³ См.: R. E r c k e r t, Die Sprachen des kaukasischen Stammes, Wien, 1895, стр. 32—42; А. Д и р р, указ. соч., предисловие, стр. 1.

⁴ Р. Ш а у м я н, указ. соч., стр. 12—14.